

АЛЁНА ОРИОН

ЧУЖАЯ КРОВЬ:
БРЕШЬ В
БАРЬЕРЕ

Осколки Эларис

Алена Орион

Чужая кровь: брешь в барьере.

«Автор»

2026

Орион А.

Чужая кровь: брешь в барьере. / А. Орион — «Автор»,
2026 — (Осколки Эларис)

Рен Эшвери приехала в Элварию за одним — забрать наследство отца и, наконец, понять, почему он бросил их восемнадцать лет назад. Но город в кронах встречает её не ответами, а стеной вежливого безразличия. Карты отца не сходятся, важные листы исчезли, а куратор, приставленный Советом, слишком много знает и слишком мало говорит... Цикл «Осколки Эларис» Книга 1 — Сердце ледяного феникса Книга 2 — Чужая кровь: брешь в барьере Каждая история — самостоятельный путь, но вместе они складываются в мир, где каждое решение оставляет след. Добро пожаловать! Путешествие по осколкам Элариса только начинается.

Содержание

Глава 1. Город, который не ждал.	5
Глава 2. Северный сектор	19
Глава	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Чужая кровь: брешь в барьере.

Глава 1. Город, который не ждал.

Проводник замер внезапно, словно наткнулся на невидимую стену. Здесь, на незримой границе, лес переставал быть просто лесом и становился чем-то иным.

Рен заметила это не сразу. Она привычно шла след в след, глядя под ноги и мерно отсчитывая ритм пути: «*Восемьсот сорок три, восемьсот сорок четыре...*» На восемьсот сорок пятом счете тишина впереди стала слишком плотной.

Она подняла взгляд. Мужчина застыл посреди тропы, вцепившись в узду лошади побелевшими пальцами. Животное прижало уши и мелко дрожало всем телом, отказываясь сделать даже шаг. В их позах читалось одно и то же: первобытный, инстинктивный ужас, будто тропа перед ними обрывалась в бездну.

Но впереди была всё та же дорога. Те же деревья. Почти.

— Дальше не пойду, — выдавил проводник, не оборачиваясь.

Его взгляд был прикован к зарослям, где стволы росли слишком прямо и слишком тесно, словно вышколенные солдаты в карауле. В этом порядке не было ничего от природного хаоса.

Рен поправила лямку сумки. Та была тяжелой — набитой картами, инструментами и тремя сменами одежды. Две из них уже превратились в пыльное тряпье, а третью, самую чистую, она берегла для въезда в город. Теперь, глядя на это пугающее величие, Рен сомневалась, что эльфов впечатлит свежесть её рубахи.

— Но деньги я всё равно возьму, — добавил он, и в голосе прорезалась судорожная жадность — единственный противовес страху.

— Разумеется. Трусость всегда имеет свою цену.

Слова хлестнули его. Он наконец обернулся, и Рен увидела его глаза — в них плескался чистый, неразбавленный ужас. Такой не лечится ни спорами, ни золотом.

— Это Элвария, — прошептал он, будто само название было заклинанием.

— Я в курсе, — сухо отозвалась Рен. — Именно туда вы и обязались меня доставить.

— Значит, ты должна знать: дальше дорога открыта только для эльфов. И для тех, кого они сами позвали. Меня в списке гостей нет.

Рен достала заранее отсчитанные монеты. Он схватил их так резко, будто боялся, что она передумает, и мгновенно спрятал в глубокий карман куртки.

— Ты полукровка, — сказал он уже без злобы, скорее с какой-то поминальной жалостью. — Может, и пропустят.

— Может.

Рен смотрела, как он уходит — торопливо, почти срываясь на бег, — и думала о том, что «*может*» — это паршивый фундамент для путешествия. Элвария три века отторгала чужаков, и её стены были сложены не из камня, а из высокомерия и древней магии.

Она вновь поправила сумку — лямка упорно сползала с плеча, словно пыталась удержать её на месте, — и решительно шагнула за черту.

* * *

Лес менялся исподволь — так густеют сумерки, когда солнце скрывается за тяжелой тучей.

Сначала исчезли звуки. Обычный лесной шум — стрекотание насекомых, шорох листвы, возня мелких зверьков — просто выключили. Остались только ритмичный скрип ремня сумки и её собственное дыхание, которое в этой пустоте казалось неуместно громким.

Затем потянулись исполины. Деревья вымахали до небес, их корни уходили в землю, как фундаменты великих соборов. Между ними расстился ковер из мха — такого ядовито-яркого, что он казался нарисованным. Рен присела и коснулась его кончиками пальцев. Бархатистый. Настоящий. Живой.

Она шла уже минут двадцать и только сейчас осознала: здесь нет ветра. Совсем. Воздух стоял неподвижно, застывший в вечном ожидании.

Рен всегда замечала такие детали. Профессиональная деформация, как говорила мать. В детстве она не могла уснуть в новой гостинице, пока не зарисует план комнат и не отметит все выходы.

«Ты даже во сне ищешь пути отступления, да?» — горько шутила мама.

Да. Именно так. Но сейчас она видела отчетливо: пути отступления закончились там, где сбежал проводник. Тропа была одна.

И еще — её заметили.

Никаких доказательств. Никакого движения в тенях. Просто то самое чувство, которое старые картографы называли «*взглядом леса*». Это состояние, когда ты понимаешь: о твоём присутствии уже доложили, тебя измерили и вынесли предварительный приговор.

Рен не ускорила шаг. Пусть смотрят. Она пришла сюда не воровать.

Во внутреннем кармане куртки, прямо у сердца, лежало официальное разрешение Совета Элварии. Бумага давала право на доступ к личным архивам умершего гражданина города.

Лириэна Эшвери.

Её отца. Человека, которого она не видела восемнадцать лет. Который бросил их с матерью ради этого живого изумрудного склепа. И который умер три месяца назад, оставив после себя лишь пачку рабочих документов и это холодное приглашение.

Рен шагала вперед, возобновив прерванный счет:

«Тысяча двести шесть. Тысяча двести семь...»

Цифры успокаивали. Пока она считала, в её мире всё еще царил порядок.

* * *

Ворота Элварии Рен поначалу приняла за очередную причуду леса — случайное переплетение ветвей, сложную игру теней в подлеске. Лишь сделав еще несколько шагов, она осознала масштаб замысла: два колоссальных древа стояли здесь так тесно, что между ними едва мог протиснуться человек. Их корни сплелись внизу в нерушимый порог, а ветви высоко над головой образовали живую стрельчатую арку.

Внутри этого проема воздух дрожал. Рен почувствовала барьер всем телом — мягкое, но властное давление на барабанные перепонки, от которого по коже пробежал электрический холодок. Не больно, но крайне ощутимо: пространство заявляло свои права на каждого, кто осмелился войти.

У самой арки стоял эльф.

Она заметила его, лишь когда он шевельнулся — до этого его фигура идеально сливалась с фоном. Серо-зеленое одеяние в точности повторяло оттенки коры и лишайника, а неподвижность была настолько абсолютной, что Рен невольно сравнила его со статуей. Высокий, с безупречной осанкой и лицом, которое выражало то, что Рен мысленно окрестила «вежливым приговором». Он смотрел на неё так, будто уже вынес вердикт, просто не счел нужным его озвучивать.

Их взгляды скрестились. Рен двинулась вперед, стараясь, чтобы её шаг был твердым, а дыхание — ровным.

— Рен Эшвери. Картограф-архивист. Сольвейг.

Он произнес это не как приветствие, а как сверку данных в реестре. Голос был под стать внешности: бесстрастный, лишенный вибраций, четкий. Рен слишком хорошо знала этот тон — так говорят те, кто привык работать с документами, а не с живыми людьми. *«Сошлась ли я с картинкой в твоей голове?»* — мелькнуло у неё.

— Вы без сопровождения?

— Проводник сбежал, — ответила Рен, игнорируя формальности. — Похоже боится вас больше, чем лесных тварей.

Бровь эльфа дрогнула — едва заметное движение, длившееся долю секунды, но для Рен это было равносильно громкому ответу.

— Понятно, — отозвался он. Никакой иронии, никакого сочувствия. Просто констатация факта.

Он сделал едва уловимый жест — приглашение следовать за ним — и стремительно зашагал вглубь, туда, где кроны смыкались в плотный изумрудный свод. Рен на мгновение замерла, бросила последний взгляд на пустую тропу, оставшуюся за спиной, и шагнула в неизвестность.

— Меня зовут Эйлон Серраэль, — бросил он через плечо, не замедляя хода. — Я буду вашим куратором и сопровождающим на всё время пребывания в городе.

Рен едва поспевала за ним. Там, где она спотыкалась о выпирающие корни и скользила на влажном мху, эльф двигался с пугающей легкостью. Казалось, сам лес подыгрывал ему: корни словно уходили глубже под землю, а ветки приподнимались, освобождая путь.

— Это... весьма любезно с вашей стороны, — выдохнула она, перепрыгивая через очередное препятствие и стараясь не сбить дыхание.

— Это стандартная процедура для гостей, — всё так же ровно отозвался он.

— О, тогда это еще любезнее, — бросила Рен в его прямую спину.

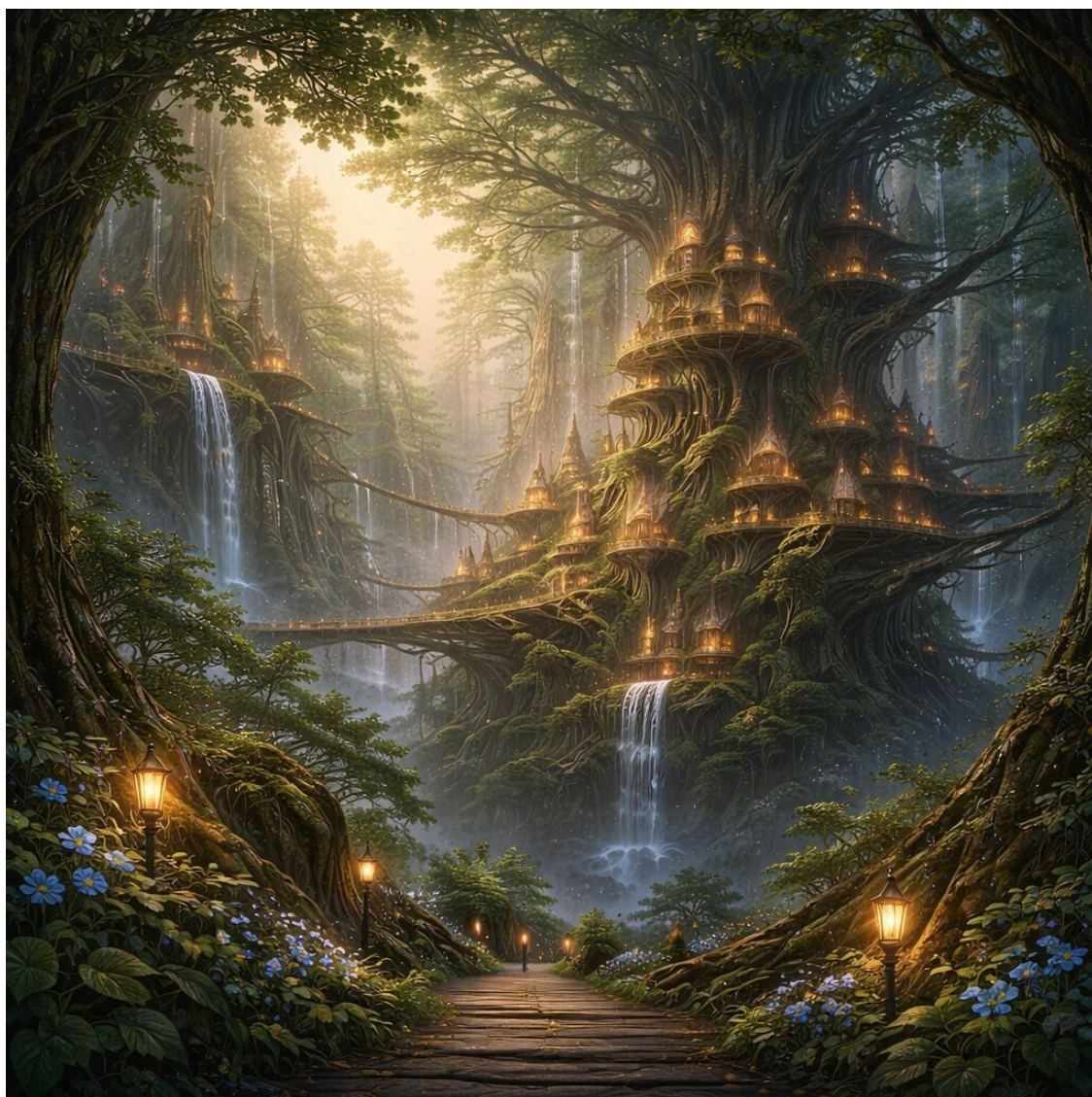
Эйлон не обернулся. Лишь ветка над его головой чуть качнулась, пропуская косой луч солнца, который высветил серебро в его волосах. Лес словно шептал ему вслед: *«Свой. Хозяин»*.

Рен поправила ремень сумки, ощущая, как внутри закипает привычное упрямство. Куратор. Сопровождающий. Надзиратель. Как ни назови, суть одна: эльфы не собирались спускать глаз с полукровки, пришедшей за наследством изгоя. У неё на руках было официальное разрешение Совета и четкая цель, но Элвария всё равно выставила против неё свой самый холодный и безупречный щит.

«Просто процедура», — повторила она про себя, крепче сжимая лямку. — *«Ничего личного»*.

* * *

Элвария росла не вширь, а ввысь, растворяясь в изумрудной дымке между исполинскими кронами.

Рен знала устройство города по картам: изучала схемы ярусов, заучивала описания путешественников, слушала байки купцов на внешних ярмарках. Но пергамент не мог передать главного. Звука. Того, как по-разному стонали под ногами подвесные мосты: один отзывался низким, утробным скрипом, словно вечно жаловался на тяжесть бытия, другой вскрикивал резко и тонко, будто искренне изумлялся каждому шагу. Карты не знали шелеста листвы на уровне лица — вкрадчивого, многоголосого шепота на языке, который Рен еще не понимала. Они молчали о звуке далекой капли, срывающейся с небесных корней в невидимые темные лужи где-то внизу.

И уж точно ни один атлас не мог запечатлеть запах. Живой, смоляной, густой, как патока, с привкусом чего-то неуловимого. Грибы? Цветы? Или само время, пропитавшее древнюю древесину? Рен глубоко вдохнула, по привычке пытаясь разложить аромат на составляющие, но он ускользал, оставляя лишь саднящее чувство соприкосновения с чем-то могущественным.

Они поднимались по лестнице, вырубленной прямо в теле великого дерева. За три столетия тысячи ног отполировали ступени до шелковистого блеска. Рен невольно коснулась поверхности ладонью — дерево под пальцами было живым и странно теплым. По бокам, в расщелинах коры, цвели растения, которых она не встречала ни в одном справочнике северного континента. Их лепестки испускали ровное голубоватое сияние, и когда Рен проходила мимо, они едва заметно наклонялись в её сторону, словно реагируя на движение воздуха или тепло тела.

— Люминесцирующий мох, — бросил Эйлон, не оборачиваясь. Его шаг оставался безупречно ровным. — Вы препарируете его взглядом уже полминуты.

— Я картограф, — отозвалась Рен, нехотя отрываясь от мерцающих бутонов. — Моя работа — замечать детали.

— Заметил, — коротко отрезал он.

Рен на мгновение запнулась, гадая: было ли это признанием её мастерства или завуалированным «я слежу за каждым твоим вздохом». Скорее всего, и то, и другое.

На первом ярусе пульсировала жизнь — размеренная, тихая, совсем не похожая на суету портового Сольвейга. Эльфы скользили по мосткам, как тени: кто-то нес корзины с целебными травами, кто-то вел неспешный спор у перил. Группа эльфят гоняла по переходам светящийся шар из прессованного мха. Снаряд пролетел в дюйме от головы Рен; она инстинктивно пригнулась, но ребенок даже не обернулся — лишь звонко рассмеялся, исчезая в зелени.

На Рен смотрели. Не прямо, не грубо, но она кожей чувствовала, как их взгляды задерживаются на ней лишнее мгновение. Она привыкла к этому. Дома её выдавали уши, здесь — человеческая коренастость и буйные кудри. «*Нигде не своя*», — привычно кольнула мысль. Горечь была старой, знакомой и почти не мешала дышать.

— Гостевой сектор на третьем ярусе, — сообщил Эйлон, сворачивая на очередной мост. — Ваши окна выходят на юг, на открытый лес. Гости обычно находят это... успокаивающим.

— А что они находят пугающим? — быстро спросила Рен.

— Звуки леса по ночам. Некоторые не могут уснуть.

— Каких именно звуков мне ждать?

— Разных, — он посмотрел вперед, и в его глазах на миг отразилась глубина чащи. — Лес живой, госпожа Эшвери. Он не умеет молчать.

Это не было поэтическим преувеличением. Рен кивнула: она понимала язык живых вещей. Море в Сольвейге тоже никогда не утихало — оно дышало, ворочалось и шептало правду тем, кто умел слушать.

Они поднялись выше по узкой винтовой лестнице, обвитой лозой с белыми цветами. Рен машинально фиксировала в памяти узлы переходов и развязки мостов, набрасывая в уме невидимую карту. «*Если бы мне дали план этого лабиринта, я бы быстро нашла слабые места. Но пока — рано*».

Комната оказалась небольшой, но уютной в своей древесной простоте. Стены с живым узором прожилок казались теплыми на ощупь. Окно представляло собой широкий проем, занавешенный плотной циновкой из волокон. На столе уже ждали папка и кружка с чем-то дымящимся. Рен подняла кружку, принялась: мята, хвоя и какой-то терпкий, незнакомый корень.

— Личные вещи и материалы вашего отца, — Эйлон остановился у порога, не переступая незримую черту её личного пространства. — Кое-что уже здесь, в папке. Остальное получите завтра. Архив открывается с первым лучом.

— Почему не сейчас? — Рен коснулась пальцами завязок папки.

— Он уже закрыт. Правила одинаковы для всех.

— Ясно. — Она отставила кружку. — И где в этом вертикальном раю можно поесть?

Эйлон едва заметно изменился в лице — кажется, её прямолинейность снова выбила его из колеи.

— На втором ярусе есть харчевня «Два дуба». Я провожу.

— Не утруждайтесь, — отрезала Рен. — Я найду дорогу.

Эйлон помедлил, а затем заговорил сухим, отчетливым тоном навигатора:

— Третий ярус, второй пролет, третий выход налево. Затем вниз по главной лестнице до первого поворота направо. Там сложная развязка, вы можете запутаться.

Рен посмотрела ему прямо в глаза, проверяя его на прочность:

— Вы сказали — третий выход? А куда ведет четвертый?

— В технические зоны и архивы Совета, — так же бесстрастно ответил он. — Туда гостям вход запрещен.

— Разумеется, — кивнула Рен, пряча тень улыбки.

Он ушел так же, как и появился — бесшумно, оставив после себя лишь легкое колебание воздуха. Рен подождала, пока стихнут его шаги, и откинула полог окна.

Элвария дышала под ней. Огни на мостках зажигались сами собой, превращая город в созвездие, запутавшееся в ветвях. Где-то там, восемнадцать лет назад, её отец смотрел на тот же пейзаж. Любил ли он этот вид так сильно, что забыл о дочери? Или ненавидел каждый прожитый здесь день?

Рен сжала кулаки. Именно за ответами она сюда и приехала.

* * *

Рен поставила сумку на стол и принялась разбирать вещи — методично, восстанавливая привычный порядок в новом, чужом пространстве.

Инструменты заняли левый угол: латунный корпус компаса, циркуль, стальная линейка. Рядом легли запасные перья и флаконы с тушью. Мать всегда повторяла: «*Тупое перо опаснее тупого ножа*». Рен давно усвоила: в картографии, как и в жизни, небрежность ведет к катастрофе. Бумагу в плотных рулонах — гладкую, привезенную из Сольвейга — она положила отдельно. Для настоящей карты нужна предсказуемая основа, а эльфийский пергамент мог оказаться таким же своенравным, как и его создатели.

Три смены одежды она сложила стопкой у стены. Последнюю — ту самую, чистую — оставила сверху. Ритуал подготовки был завершен.

В центре стола лежала папка.

Рен замерла, глядя на потемневшую кожу переплета. На мгновение ей показалось, что от папки исходит едва уловимый холод. Она медленно потянула за завязки. Внутри, среди официальных разрешений и сухих описей, обнаружился еще один вкладыш — тоньше и плотнее. На обложке красовалась надпись, выведенная незнакомым почерком с характерными эльфийскими росчерками:

«Для Рен Эшвери».

Личные материалы Лириэна Эшвери. Наследство, ради которого она пересекла континент. Рен коснулась букв кончиками пальцев, ожидая... чего? Удара тока? Тепла? Но бумага осталась бумагой. Она резко отдернула руку.

Завтра. Сначала — еда, сон и разведка. Ей нужно впечатать в память каждый поворот этих зыбких мостков, каждую лестницу.

Допив настой — он уже остыл, и на дне синели странные, похожие на когти лепестки, — Рен набросила куртку и вышла за дверь.

Третий выход налево. Вниз по главной лестнице. Первый поворот направо. Четвертый выход она тоже зафиксировала в уме. Чисто профессиональная привычка — всегда знать, где находится черный ход.

* * *

Харчевня «Два дуба» оправдывала название с пугающей буквальностью: два исполинских ствола пронзали пол и потолок заведения, уходя ввысь. Дом не просто стоял между ними — он был вживлен в живую плоть деревьев. Кора внутри помещения казалась теплой, а сквозь щели в потолке пробивались молодые ветви с нежно-зелеными листьями.

Внутри было шумно и удивительно уютно. Пахло дымом, печеными кореньями и свежей хвоей. Рен устроилась у стойки и, не глядя, указала в меню на что-то горячее. Главное, чтобы это не оказалось десертом из лесных гусениц, остальное она переживет.

Пока готовился заказ, она «включила» слух. Это не было подслушиванием — скорее, картографированием звукового ландшафта.

За спиной двое эльфов в дорожных плащах вполголоса спорили о ценах на саженцы редкой «поющей» ивы. У окна одинокий старик медленно цедил прозрачный напиток, полностью погруженный в чтение свитка. А чуть дальше троица совсем юных эльфов — на вид им было не больше двадцати по человеческим меркам, хотя Рен знала, что за этой свежестью могут скрываться десятилетия, — что-то жарко обсуждали.

— ...она клянется, что он не отводил от неё глаз всю церемонию, а потом... — Донесся до неё девичий смех.

Рен невольно улыбнулась. Оказывается, даже в вечном городе-саду сплетни не меняются веками.

Никто не обращал на неё внимания. Для жителей Элварии она была лишь очередным фоновым шумом, временным гостем. И это безразличие было целительным. В Сольвейге её всегда провожали взглядами — настороженными или сочувствующими. Здесь же она была просто... нейтральной.

Еду принесли быстро: густое рагу с травами и чем-то хрустящим, напоминающим кедровые орехи. Вкус оказался мягким, обволакивающим. Рен ела медленно, грея пальцы о кружку с чаем.

Эйлон Серраэль. Он знал о ней слишком много. Её маршрут, её специальность, даже время её прибытия. Архив, закрытый именно «сегодня»... Совпадение? В мире картографии совпадений не бывает — бывают плохо прорисованные детали.

«Стандартная процедура», — мысленно передразнила она его холодный голос.

Заплатив, Рен вышла в наступающие сумерки. Город преобразился. Фонари-кристаллы мерцали в листве, как запутавшиеся звезды, мосты едва заметно покачивались под дыханием ночного леса.

Она уже почти дошла до своего яруса, когда увидела его.

Эйлон шел навстречу. Темный плащ сливался с тенями, шаги были абсолютно бесшумными. Он не выглядел человеком, который случайно оказался на этой тропе. Напротив — он ждал.

Они остановились в паре футов друг от друга.

Он коротко кивнул — сухой жест, обозначающий присутствие собеседника.

— Нашли харчевню?

— Нашла. Рагу выше всяких похвал. — Рен скрестила руки на груди, чуть наклонив голову. — Вы патрулируете мой маршрут или это... какая-то проверка?

Эйлон не отвел взгляда. Лишь его дыхание стало чуть глубже — так хищник принюхивается к ветру.

— Я лишь убедился, что вы добрались без происшествий.

— И это тоже входит в «стандартную процедуру»?

— Именно так.

Ни тени улыбки. Ни капли смущения. Его лицо было как запертая архивным заклятием дверь. Ночной ветер тронул края его плаща, но сам Эйлон казался частью дерева.

— Мой отец работал здесь восемнадцать лет, — внезапно сказала Рен, делая шаг вперед, в его личное пространство. — Вы знали его, Эйлон?

Наступила тишина. Плотная, тяжелая, как древесная смола. Эйлон на секунду перевел взгляд на огни нижних ярусов. Когда он снова посмотрел на неё, что-то в его глазах изменилось.

— Элвария — небольшой город, госпожа Эшвери.

— Это не ответ.

— Это всё, что я могу вам предложить.

Он не добавил ни слова. Но Рен заметила, как за его спиной пальцы, сцепленные в замок, сжались так, что побелели костяшки.

Она первая отвела взгляд, чувствуя, как между ними выросла стена — невидимая, но прочная, как барьер на входе в лес. Сделав шаг к своей двери, она уже коснулась ручки, когда его голос догнал её:

— Архив открывается с первым светом. Я буду ждать у вашей комнаты.

— Я запомнила дорогу, — бросила она через плечо.

— Знаю, — отозвался он. — Но я буду.

Рен вошла и закрыла дверь, прислонившись к ней спиной. Сердце колотилось чуть быстрее обычного.

Он знал отца.

Эта уверенность осела внутри колючим осадком. Рен считала её по слишком долгой паузе, по побелевшим костяшкам пальцев, по тому, как он остался стоять на мостках дольше, чем того требовал простой этикет. И, что важнее всего, он не ответил прямо — а ведь мог просто и легко солгать.

Пройдя в комнату, Рен зажгла светильник. Теплый свет выхватил из темноты папку, оставленную на столе. Нужно было чем-то занять руки, отвлечься от липкого ощущения, которое оставил после себя разговор с Эйлоном.

Она придвинула папку к себе. *«Для Рен Эшвери».*

Внутри оказалась внушительная стопка карт — аккуратно сложенных, пронумерованных, испещренных мелкими пометками на полях. Под ними мелькнул край конверта — простая бумага, сложенная вчетверо, без подписи и адреса. Рен коснулась его, помедлила секунду и... убрала обратно.

Сначала карты. Это была её зона комфорта, понятная и предсказуемая. На первый взгляд — обычные рабочие копии, стандартный материал архивиста.

Она взяла верхний лист и развернула его, придавив углы ладонями. Линии на пергаменте расходились от центра во все стороны, напоминая сплетение корней или сложный узор трещин на весеннем льду. А может, это была схема самой барьерной сети Элварии.

Рен смотрела на рисунок долго, до рези в глазах. Затем достала вторую карту. Третью. Разложила их в ряд, пытаясь сопоставить края, как делала сотни раз в Академии. Спокойно, методично, шаг за шагом.

Что-то не сходилось.

Она пока не могла сформулировать, что именно. Это не было явной ошибкой в координатах или пропущенным объектом. Скорее, смутное, подсознательное ощущение «неправильности» — так бывает, когда знакомая с детства дорога вдруг делает едва заметный поворот в сторону, которой раньше не существовало. Взгляд цеплялся за штрихи, которые казались лишними, и за пустоты, которые выглядели подозрительно.

Рен покачала головой, собирая листы обратно в стопку. Возможно, дело в освещении. Или в усталости — сегодня был слишком длинный день.

Она погасила светильник и легла, натянув одеяло до подбородка. За окном шелестел ночной лес — негромко, ровно, просто напоминая о своем присутствии за тонкими стенами.

Рен закрыла глаза, проваливаясь в сон. Завтра будет много вопросов. И она намерена получить на них ответы.

* * *

Утром она проснулась задолго до первых лучей.

Старая привычка: в Сольвейге порт начинал грохотать еще затемно, и если хотелось поработать в тишине, нужно было выкрасть эти часы у рассвета. Рен лежала, глядя, как серый воздух за окном становится прозрачнее, и слушала, как просыпается лес. Птицы — сначала одна, следом за ней десятки других, — выводили незнакомые, резкие рулады. Шорох листьев переплетался с далеким, протяжным скрипом старого дерева. Элвария вздыхала во сне.

Рен встала, быстро умылась и оделась. Письменный стол был слишком мал для её размаха, поэтому она устроилась прямо на полу. Раскладывать листы по порядку было её личным ритуалом: так новый материал обретал структуру, а хаос превращался в систему.

Карты были безупречны. Рука Лириэна узнавалась мгновенно — ровный, уверенный нажим, педантичные пометки на полях с характерно удлинёнными хвостиками букв. Восемнадцать лет она получала редкие письма, написанные этим почерком. Короткие поздравления, два абзаца ни о чем, вежливые вопросы. Она всегда отвечала. Не сразу, преодолевая обиду, но отвечала.

Она дошла до восьмого листа и замерла.

Девятого не было. За восьмым сразу следовал одиннадцатый.

Рен вернулась к началу, пересчитывая заново. Первый, второй, четвертый... третьего нет. Восьмой, одиннадцатый... отсутствовали пятый, шестой, седьмой, девятый и десятый. Она разложила карты в ряд, и пустые места между ними зияли, как выбитые зубы.

Шесть листов исчезли. У архивиста такого уровня не бывает случайных пропусков в нумерации. Это была не ошибка. Это было сознательное изъятие.

Рен долго смотрела на рваный ритм карт, а затем медленно потянулась к конверту.

Бумага была плотной, пожелтевшей по краям — письмо ждало своего часа долго. Она развернула его, стараясь не порвать на сгибах.

«Рен, моя дорогая...»

Она узнала этот почерк. Тот же, что на полях. Только здесь буквы казались чуть менее уверенными, будто рука пишущего дрожала.

«...Если ты читаешь это, значит, у меня не получилось. Прости меня. За всё. Я бросил вас, и этому нет оправдания. Но я должен попытаться объяснить — ради твоего будущего. Помнишь, как бывает: снаружи дом кажется крепким, но где-то глубоко в фундаменте ползет трещина? Я нашел её. Не в стене, а в самом основании, куда никто не смотрит, пока всё выглядит надежным. Я понял: если ничего не сделать, рухнет не комната — рухнет всё. И все, кто в этом доме живет».

Рен сглотнула. Сердце забило где-то в горле.

«Я решил остаться и починить. Думал — на пару дней. Думал — вот-вот вернусь. Но оказалось, проблема куда масштабнее. А потом мне велели уйти — вежливо, но окончательно. Я ушел. И не вернулся к тебе, потому что было стыдно. Это была трусость, Рен. Простая, неприкрытая трусость. В папке — то, что я успел. Ты увидишь пробелы — ты всегда видела то, что скрыто. Остальное там, где я работал. Ты найдешь».

Письмо закончилось признанием в любви, которое запоздало на целую жизнь.

Рен прочитала его трижды. Трещина в фундаменте. Всего на пару дней. Она смотрела на аккуратные буквы и думала о том, что ждала этих слов восемнадцать лет. И теперь, когда они наконец дошли до адресата, отправитель был мертв. Это было не просто больно. Это было вопиюще несправедливо.

Она посидела в тишине, давая себе минуту, чтобы уложить это знание внутри. Затем сложила письмо по тем же сгибам и убрала во внутренний карман куртки — туда, где оно касалось официального разрешения Совета.

Шесть пустых мест на полу. Она начала собирать карты в папку — быстро, с сухой решимостью.

«Там, где я работал». Она найдет.

За дверью послышались шаги — ровные, предсказуемые, точно в срок. Рен рванула дверь на себя прежде, чем Эйлон успел поднять руку для стука.

Он стоял на пороге, держа две кружки. На долю секунды в его взгляде что-то дрогнуло — тень удивления или оценки, — но он тут же вернул себе маску бесстрастия и молча протянул ей одну из них.

Рен взяла кружку. Отпила. Настой был горьким, терпким, но голова мгновенно прояснилась, а чувства обострились до предела.

Эйлон отвернулся, глядя на просыпающийся лес. Большой палец его правой руки привычно крутил тонкое старое кольцо. Оно сидело на пальце чуть свободно — явно принадлежало кому-то другому. Рен отметила это мельком и тут же отсекла лишнюю мысль.

— Вчерашний настой был другим, — заметила она.

— Вечерний успокаивает. Утренний дает ясность.

— Вы всем гостям подаете напитки лично?

— Это ст...

— Стандартная процедура, — закончила она за него, не давая договорить.

Рен допила свой напиток в два глотка. Помедлила секунду и бесцеремонно забрала у него вторую кружку. Тоже осушила до дна под его ошеломленным взглядом, поставила обе емкости на перила и перекинула сумку через плечо.

— Архив в той стороне?

Эйлон смотрел на пустые кружки, затем на неё — с выражением человека, который впервые столкнулся с явлением, не описанным в его инструкциях.

— В той.

— Хорошо. Не отставайте.

Она развернулась и зашагала по мосткам. Сзади донеслось что-то тихое, короткое, на эльфийском. Интонация была вполне понятной и без словаря — смесь раздражения и странного, неохотного интереса. Рен невольно улыбнулась, не оборачиваясь.

Эйлон догнал её у первого же поворота и плавно переместился вперед, возвращая себе роль ведущего.

Город просыпался неспешно. Внизу, в золотистой дымке, кто-то перетаскивал ящики, кто-то бережно поливал цветы. Рен шла следом, глядя на его прямую спину. Где-то здесь, по этим же доскам, восемнадцать лет ходил её отец.

Она резко остановилась у перил. Ноги сами налились свинцом.

Внизу, в глубоком полумраке между корнями, стояла темная, неподвижная вода. Над ней клубился призрачный туман. Эйлон замер через два шага. Подошел и встал рядом — не касаясь, но она чувствовала исходящее от него тепло, пробивающееся сквозь утренний холод.

— Эйлон.

— Да.

— Как умер мой отец?

Он повернулся к ней медленно, словно нехотя. Посмотрел прямо в глаза — взгляд был ровным, тяжелым, как гранитная плита.

— Официальная версия — сердце.

Рен не отвела глаз. Внутри неё звенела натянутая струна.

— Официальная, — повторила она шепотом.

Между ними повисла тишина особого рода. Та, что возникает, когда правда уже произнесена между строк, но никто не решается облечь её в слова. Эйлон выдержал её взгляд — секунду, две, вечность. А затем молча развернулся и зашагал прочь.

Рен смотрела на его спину. Слишком безупречную. Слишком напряженную для человека, который просто констатирует медицинский факт.

Она оторвалась от перил и пошла следом. Архив открывался через пятнадцать минут. Времени как раз хватало, чтобы заточить свой следующий вопрос.

Глава 2. Северный сектор

Рен ожидала чего угодно: величественных залов с колоннами, бесконечных стеллажей до самого неба и привычного по Академии Сольвейга запаха старой бумаги. Но реальность оказалась иной.

Лестница брала начало у самого подножия исполинских стволов. Широкие ступени из темного дерева были обрамлены поручнями из живой, переплетенной лозы. Чем глубже они спускались, тем гуще становился воздух — тяжелый, пропитанный ароматами сырой земли и вековой смолы. Казалось, сама атмосфера здесь обладала памятью о временах, когда города еще не существовало. Влажность мгновенно осела на коже едва ощутимой пленкой. Свет тоже переменялся: чадающие факелы наверху уступили место кристаллам, вмурованным прямо в стены. Их холодное голубоватое сияние превращало пространство в подобие глубоководного грота.

Стенами здесь служили сами корни.

Не облицовка, не декор — живая плоть дерева в несколько обхватов, уходящая в непроглядную бездну. В зазорах между ними теснились сотни стеллажей, забитых свитками, папками и плоскими планшетами для карт. Три столетия задокументированной жизни.

— Глубоко, — негромко заметила Рен. Голос в этом плотном воздухе звучал глухо.

— Шесть ярусов, — отозвался Эйлон, следовавший за ней тенью. — Самый нижний заложили еще при основании Элварии.

— Три века под землей...

— Корни держат надежно. Здесь куда стабильнее, чем наверху, где гуляет ветер.

Рен коснулась ближайшего корня. Кора оказалась неожиданно теплой — не той мертвой теплотой нагретого солнцем дерева, а живой, пульсирующей где-то глубоко внутри.

У входа в центральный зал, за массивной стойкой, восседал архивариус. Пожилой эльф обладал такими неестественно длинными пальцами, что казалось, он способен достать фолиант с любой полки, даже не поднимаясь с места. Он удостоил Рен коротким взглядом, перевел его на Эйлона и снова вернулся к девушке. В его глазах читалось раздражение профессионала, чье сосредоточенное одиночество беспардонно нарушили.

Эйлон молча выложил бумаги. Архивариус изучил разрешение с дотошностью ювелира и вернул обратно.

— Личные материалы Лириэна Эшвери переходят к вам на правах наследницы, — его голос был сухим и монотонным, как шелест пергамента. — Оригиналы из городского фонда, если они вам потребуются, изучаются строго в этом зале. Выносить их запрещено.

— Понятно, — коротко бросила Рен.

Архивариус кивнул и бесшумно растворился в лабиринте стеллажей.

Рен медленно обвела взглядом зал. Где-то здесь был его мир. Стол, за которым он горбился часами; полка, к которой он подходил каждое утро; привычный маршрут, выверенный до дюйма. Восемнадцать лет — огромный срок. За это время человек невольно оставляет на пространстве свой отпечаток: вытаптывает невидимые тропы, запоминает каждую скрипучую половицу.

Она не знала, какая из них скрипит под её ногами.

Эйлон стоял чуть поодаль, не торопя и не мешая. Она услышала лишь один сухой щелчок — он переступил с ноги на ногу.

— Он любил здесь работать? — спросила Рен, не отрывая взгляда от нависших корней.

— Насколько я мог судить — да.

— Насколько вы могли судить... — эхом отозвалась она. Не вопрос — констатация. В словах Эйлона всегда чувствовалась эта дистанция, эта вежливая стена.

Вернулся архивариус с пухлой папкой, перевязанной суровым шнуром. На обложке каллиграфическим почерком было выведено: «Л. Эшвери. Личные материалы. Северный сектор».

Рен принялась развязывать узлы прямо у стойки. Руки действовали быстрее мыслей, привычно считая листы. Раз, два...

— Вы получили всё, что причитается по протоколу, — подал голос Эйлон.

— Угу, — отозвалась Рен, уже высматривая свободный стол.

— Мы можем идти.

— Можем. — Она решительно направилась вглубь зала, прижимая папку к боку. — Но не пойдем.

Она быстро нашла удобное место с наклонной поверхностью. Разложила карты, достала опись.

— Здесь не место для праздных размышлений, — произнес Эйлон за её спиной. В его тоне не было гнева — лишь та изматывающая, ледяная терпеливость, которая раздражала Рен куда сильнее открытого недовольства.

— Оригиналы городского фонда я обязана изучать здесь, — Рен подчеркнула ногтем строчку в списке. — Если правила позволяют смотреть чужие документы, почему я не могу смотреть свои? Я ничего не нарушаю.

Эйлон замолчал. Спустя мгновение он медленно придвинул соседний стул и сел. В этом жесте читалось поражение человека, который столкнулся с логикой более упрямой, чем его собственная.

Рен выстроила карты в ряд, сверяя их с описью. Три листа были на месте. Еще три — отсутствовали.

— Часть документов изъята. Листы три, пять и шесть, — она подняла прямой, колющий взгляд на Эйлона. — Это те самые оригиналы, которые «нельзя выносить»? Они в другом хранилище?

Он не ответил сразу. Просто забрал опись из её пальцев. Рен наблюдала за его глазами: вот он нашел нужные графы, вот его взгляд замер. Она заметила, как побелели кончики его пальцев, чуть сильнее сжавших бумагу. Едва уловимый знак, но для нее — оглушительный.

Эйлон вернул опись на стол, поднялся и направился к стойке. Шаг был ровным, но в его походке появилось нечто новое — хищная сосредоточенность. Архивариус уже листал реестр, его длинные пальцы двигались с привычной медлительностью.

— На реставрации, — бросил старик, не поднимая головы.

Эйлон бесцеремонно развернул реестр к себе. Проверил дату. Снова.

— Документы готовятся к выдаче за две недели до визита наследника. Реставрация должна была завершиться еще...

Он оборвал фразу на полуслове. Архивариус молча забрал книгу и закрыл её. В тишине архива было слышно, как где-то за стеллажами сорвалась и разбилась капля воды.

Эйлон замер. Рен видела его спину — неестественно прямую, напряженную, словно натянутая струна.

— Значит, бывает, — негромко произнесла она.

Он резко обернулся.

— Что бывает?

— Несостыковки. Даже в вашем идеальном городе. — Она кивнула на закрытый реестр. — Я наивно полагала, что эльфы не допускают подобной небрежности.

По его лицу пробежала тень — быстрая, почти неуловимая. Это не была обида. Скорее то выражение, которое появляется, когда человек получает удар в самую уязвимую, незащищенную точку.

— Я разберусь, — отрезал он.

— Не сомневаюсь.

Она начала методично складывать карты. Архивариус за стойкой застыл, словно статуя, сливаясь с темнотой залов. Эйлон резко оттолкнулся от стойки и зашагал к выходу.

— Идемте.

На выходе из архива их встретил живой мир: запах сосновой смолы, шелест листвы и тот самый теплый, земной аромат жареного лука.

Навстречу им двигался патруль — семеро эльфов в одинаковых доспехах, которые после ночной смены сидели на них помято и косо. Один из стражников нес сверток в плаще — бережно, обеими руками, как несут нечто хрупкое и бесконечно ценное.

Рен и Эйлон отступили, давая им дорогу. Патрульные прошли мимо, глядя прямо перед собой невидящими от усталости глазами.

Эйлон остановился и повернулся к ней. Его лицо превратилось в непроницаемую маску.

— Возвращайтесь к себе. К вечеру я дам знать по поводу недостающих листов.

Рен посмотрела на его плотно сжатые челюсти. Сейчас он был похож на запертый сейф, внутри которого идет лихорадочная работа механизмов.

— Хорошо.

Он ушел, не оборачиваясь. Рен постояла секунду, вдыхая запах чужого завтрака. Её собственный желудок отозвался требовательным урчанием.

Развернувшись, она направилась в сторону «Двух дубов».

* * *

В «Двух дубах» в этот час царил сонное безлюдье — то короткое затишье между поздним завтраком и ранним обедом, когда заведение словно выдыхало, отдыхая от собственных запахов и шума. Рен выбрала стол в самом дальнем углу, прижавшись спиной к прохладной шероховатости деревянной стены. Здесь она видела всех, оставаясь в тени.

Молодой официант приблизился неспешно. Его взгляд скользнул по её лицу и предсказуемо споткнулся на ушах — задержался на долю секунды дольше, чем позволяли приличия. Рен даже не шелохнулась.

— Что будете заказывать? — спросил он на эльфийском. Медленно, с отчетливой артикуляцией, как говорят с душевнобольными или иностранцами.

— То же, что вчера вечером, — отозвалась она на том же языке, идеально копируя его интонации.

Официант на мгновение сбился с шага, уходя с видом человека, чей снисходительный сценарий только что позорно развалился. Рен проводила его взглядом, невольно вспомнив старый словарь с сальным пятном на обложке. Она выторговала его в десять лет на шумной портовой ярмарке, зажав в кулаке последние гроши. Мать тогда лишь поджала губы, но промолчала.

Долгие годы Рен хранила его под матрасом, как контрабанду. По ночам, при свете огарка свечи, она расшифровывала отцовские открытки — редкие, сухие восточки на дни рождения, всегда на эльфийском, всегда о погоде или делах. К шестнадцати она читала бегло. К двадцати — избавилась от акцента. Но фраза, которую Эйлон процедил сквозь зубы там, на мостках, всё равно осталась загадкой. Что-то из старого диалекта, вязкое и колючее — словари такому не учили.

Принесли заказ: густое, пахнущее хвоей и кореньями варево и ломоть тяжелого серого хлеба. Рен обхватила горячую кружку ладонями, позволяя теплу просочиться в кончики пальцев.

Эйлон не знал об исчезновении листов. Это она считала сразу — по тому, как окаменели его плечи у архивной стойки. Человек, привыкший держать все нити в руках, не умеет так достоверно имитировать растерянность. Значит, кто-то изъясил документы, не посчитав нужным уведомить куратора. В Совете либо зрел раскол, либо кто-то вел игру уровнем выше Эйлона. Оба варианта сулили Рен массу неприятностей, но вместе с тем — были чертовски любопытны.

Тишину зала нарушили голоса. Две женщины заняли соседний стол так тихо, что Рен не заметила их появления. Одна — пожилая эльфийка в практичном фартуке поверх платья, другая — помоложе, с тяжелой плетёной корзиной, которую она с облегчением пристроила на соседний стул.

— ...Танн только к рассвету появился, — негромко проговорила старшая, помешивая ложкой в чашке. — Я уж все молитвы вспомнила, какие знала.

— Опять усиление патрулей?

— Усиление... — женщина горько фыркнула. — Говорит: «Служба, милая, всё в порядке». А сам серый лицом, за стол сел и чуть в тарелку не упал. Суп так и простоял нетронутый до самого вечера. Даже раздеваться не стал, рухнул на кровать прямо в плаще.

— Ну, главное — живой.

— Живой, — эльфийка заметно смягчилась, и в её голосе проступила усталость. — Только три недели уже этот морок длится. Никогда раньше северные рубежи так не лихорадило.

— Может, из-за новостей из Торнхейма? Болтают, там артефакт среди бела дня выкрали — Сердце Ледяного Феникса. Говорят, барьер едва не схлопнулся, твари из пустошей к самым стенам вышли. Может, и у нас страхуются? На севере ведь вечно что-то шевелится, иначе зачем туда столько стражи стягивать...

— Ох, Элларион, упаси нас от такого... — жена стражника со стуком поставила кружку. — Корона-то наша на месте?

— На месте, вроде. Да только от этого спокойнее не становится.

Рен замерла, глядя на дно своей кружки, где плавали чаинки.

Утренний отряд, вернувшийся с ночного дежурства — вымотанные, запыленные, с тем самым странным грузом в плаще. Теперь этот разговор о Торнхейме и давлении на северных границах. И, наконец, карты её отца. Он ведь восемнадцать лет буквально «дышал» северным сектором. Именно туда он смотрел в свои последние дни в Элварии, прежде чем его вежливо, но твердо выставили за ворота.

Совпадения в картографии случаются. Но в жизни они обычно имеют фамилию, имя и очень скверный характер.

Рен оставила на столе пару монет и поднялась. До вечера оставалось несколько часов, и она точно знала, на что их потратить.

* * *

Северная часть Элварии жила по своим часам.

Если на нижних ярусах еще дотлевали остатки вечера — с обрывками голосов, уютным запахом жареного лука из раскрытых окон и настойчивым смехом детей, которых родители пытались загнать домой, — то здесь уже воцарилась ночь. Исполинские кроны смыкались над головой так плотно, что небо угадывалось лишь по оттенку темноты, а не по блеску звезд. Фонари встречались реже, и свет их переменялся: вместо теплого золота низин здесь царил мертво-холодный, синеватый отсвет архивных кристаллов.

Рен шла, прислушиваясь к тому, как меняется характер города под её подошвами. Мостки сделались уже, доски потемнели от вечной сырости и сменили тон. Они больше не поскрипывали жалобно, как на гостевом ярусе, а отозвались коротким, деловитым ропотом — будто само дерево удивлялось редкому прохожему.

Три листа, которые она успела сопоставить с прежними набросками еще до сумерек, теперь жгли память. Северный сектор складывался по краям, намекал на скрытую логику, почти прорисовывал четкую картину. Почти. Три слепых пятна в самом центре превращали карту в издевательскую шараду. Рен переносила отсутствие ответов физически плохо — хуже, чем тесную обувь или ледяной дождь за шиворот. Пустота в расчетах зудела, как незаживающая рана.

Эйлон так и не пришел.

Она прождала достаточно долго, чтобы ожидание превратилось в глухое раздражение. Встала, одернула куртку, сверля взглядом дверь. Та оставалась безучастной: ни шагов в коридоре, ни сухого стука в филенку.

«*К вечеру дам знать по листам*», — вспомнила она его холодный, вежливый голос.

Что ж, вечер наступил и прошел без него.

Рен прекрасно знала, чем заканчиваются подобные паузы. Варианта было два: либо он явится с недостающими картами и мягко сообщит, что дело закрыто и ей пора паковать чемоданы, либо он придет с пустыми руками и скажет то же самое. Разница была лишь в одном — уедет она домой с ответами или с тем же багажом вопросов, с которым прибыла в этот город-на-деревьях.

Но пока он не пришел, формально ей никто не запрещал гулять.

Мостки впереди сузились до предела, ныряя в расщелину между двумя колоссальными стволами. Рен прижала локти к бокам, проскальзывая в поворот, и решительно шагнула вперед — туда, где заканчивался обжитой город и начиналось то, что её отец восемнадцать лет наносил на пергамент, рискуя жизнью.

* * *

Граница не объявляла о себе заранее.

Не было ни предупредительных знаков, ни патрулей — просто в какой-то момент рукотворный мир Элварии сдался. Мостки оборвались внезапно, словно обрезанная нить. Рен сделала шаг и обнаружила под подошвой не привычное дерево, а землю — твердую, сырую, покрытую мхом такой плотности, что нога утопала в нем по щиколотку.

Она остановилась, чувствуя, как влажный холод мгновенно пробирается под куртку. Город за спиной превратился в россыпь размытых, слепых пятен, тонущих в тумане. Впереди же царила иная пустота. Здесь лес больше не пытался казаться гостеприимным — он был просто собой, древней и равнодушной силой, которая молча поглощала свет.

Рен двинулась вперед. Она шла уже минут десять — считала шаги по привычке: восемьсот восемьдесят два, восемьсот восемьдесят три — когда увидела свет.

Это был не голубоватый архивный кристалл и не уютный фонарь низин. Свет был желтым, масляным, живым. Он пробивался сквозь щели в стене приземистой постройки, прилепившейся к подножию исполинского дуба. Слишком угловатый силуэт, слишком функциональный. Пост.

Она замедлила шаг, прислушиваясь. Сначала — только шорох листвы под ногами да стук собственного сердца. Потом, сквозь эту лесную пелену, проступило иное: голоса. Глухие, приглушённые стенами, но вполне различимые. Мужские. Усталые. Слов не разобрать, только интонации: кто-то коротко бросил фразу, кто-то хмыкнул в ответ. Потом снова тишина, тяжелая, как осевшая пыль.

Рен обошла постройку по дуге, буквально вращаясь в глубокие тени между корнями. С северной стороны стена была глухой, за исключением одного узкого окна под самой крышей, забранного толстой, изъеденной ржавчиной решеткой. Она подобралась ближе, встала на широкий выступ корня и, затаив дыхание, приподнялась на носках.

Внутри горел один фонарь — масляный, чадающий, он раскачивался на крюке, отбрасывая на стены дерганые, нервные тени. Его тусклого пламени хватило, чтобы увидеть главное.

Сначала она заметила стражей. Их было двое. Один сидел за колченогим столом, с силой вгоняя острие ножа в почерневшее дерево — методично, раз за разом, будто выплескивая в эти удары скопившуюся ярость. Его напарник стоял у двери, привалившись к косяку, но в его позе не было отдыха: плечи были напряжены, пальцы то и дело касались рукояти меча, а взгляд лихорадочно ощупывал каждый угол помещения. Оба выглядели измотанными до предела — серые лица, темные провалы под глазами, резкие, рваные движения. Это была не служба, а затянувшаяся осада.

Рен перевела взгляд вглубь помещения, туда, где свет фонаря едва разгонял густой мрак.

Их было трое. Пленники сидели вдоль стены прямо на земляном полу, прислонившись спинами к неошкуренным бревнам. Руки связаны спереди грубой веревкой. Одежда — темная, из кожи и плотных растительных волокон, без единого металлического крючка. Двое мужчин и женщина.

Лесные эльфы.

В отличие от дерганных стражников, эти трое казались высеченными из камня. В их позах не было ни капли городской суеты или страха перед стенами — только то изматывающее, вековое терпение, которому учит лес. Так сидят те, кто знает: деревья всегда перестоят камни, а тишина всегда победит крик.

Женщина медленно подняла голову, и её взгляд — тяжелый, лишенный страха — на мгновение замер на оконной решетке. Их взгляды встретились.

В следующую секунду тишину раздробили шаги — тяжёлые, подкованные металлом. Они приближались со стороны угла слишком быстро, чтобы успеть скрыться.

Рен едва успела соскочить с корня, как её рывком дёрнули назад. Мир качнулся, и в следующее мгновение она оказалась впечатана в ствол дуба. Удар пришёлся на плечи, выбивая из лёгких остатки воздуха, а горячая ладонь накрыла рот раньше, чем испуг превратился в крик.

Слепой ужас плеснул в груди, веки сжались сами собой. Её вжимали в кору с такой силой, что мир сузился до одной точки: «чужой», «опасность», «бежать». Но сквозь глухие удары собственного сердца начало пробиваться иное ощущение. Знакомое. Ткань колета, в которую она бессознательно вцепилась пальцами, пахла тем же дождём и горькой смолой, что витали в воздухе у архивных стеллажей. Жаркое дыхание у виска было рваным, но ритм его... она уже слышала этот ритм на мостках прошлым вечером.

Рен открыла глаза.

Эйлон. Он навис сверху, стремясь буквально спрятать её в складках собственной тени. Его близость была ошеломляющей и бесцеремонной. В вязком сумраке он замер, превратившись в камень, и Рен ощутила, как по его телу прошла волна предельного, вибрирующего напряжения. Он весь был — как натянутая тетива, готовая лопнуть от малейшего звука. В этой вынужденной неподвижности их близость стала почти болезненной: она чувствовала тепло, исходящее от него, и то, как его пальцы, закрывавшие ей рот, едва заметно дрогнули.

Шаги вышли из-за угла. Четыре, пять, шесть — совсем рядом, в каких-то двух метрах. Фонарь стражника мазнул жёлтым пятном по корням, едва не зацепив край его плаща. Рен видела этот свет сквозь его плечо, чувствуя, как время затягивается в тугую, звенящую петлю.

Наконец, звук подкованных сапог начал затихать, растворяясь в шелесте крон. Опасность отступила, но тишина вокруг осталась наэлектризованной.

Эйлон не спешил отстраняться. Его ладонь медленно, почти нехотя соскользнула с её лица.

Рен ощутила кожей шершавое ребро его кольца — холодный металл мазнул по её губам, оставив фантомный след тепла. Он всё ещё удерживал её, прижатой к дереву, и в вязком сумраке его лицо было так близко, что Рен видела лихорадочный блеск его глаз — опасный, лишённый привычного ледяного спокойствия.

Он смотрел на неё в упор, и в этом взгляде было слишком много невысказанной ярости и чего-то ещё, чему у Рен не было названия.

— Живо. За мной, — выдохнул он ей в самые губы.

Голос был едва слышным, надтреснутым. Эйлон первым разорвал этот кокон близости, резко отступив на шаг. Рен почти физически почувствовала, как между ними хлынул холодный ночной воздух. Он не стал ждать её реакции — развернулся и быстро зашагал к едва заметному силуэту технической постройки.

* * *

Дверь подсобки закрылась почти бесшумно, но для Рен этот сухой щелчок прозвучал как выстрел.

Внутри было тесно и темно. Единственным источником света была узкая полоска, пробивающаяся под дверью, да едва уловимое свечение какого-то состава в закупоренных склянках на полках. Помещение пропахло старой олифой, сухой древесиной и тем самым запахом дождя, который теперь неотрывно ассоциировался у Рен с человеком, стоящим в шаге от неё.

Эйлон замер у двери, прижавшись к ней спиной. В полумраке его фигура казалась еще массивнее, перекрывая единственный выход. Было слышно, как снаружи, совсем рядом, снова прошли стражники — тяжелый шаг, скрип гравия, приглушенный кашель.

Рен ждала, боясь шелохнуться. В полумраке она видела, как тяжело и рвано вздымаются его плечи.

— Вы хоть понимаете, — его голос был тише шелеста листвы, но в нем вибрировала такая ярость, что Рен невольно отступила, пока не уперлась поясницей в какой-то верстак, — что сейчас произошло?

— Я видела пленников, Эйлон.

— Вы видели свою смерть, — отрезал он. Он сделал шаг вперед, вторгаясь в её пространство так же бесцеремонно, как и там, у дерева. — Если бы этот патруль заметил вас у окна, вас не стали бы допрашивать. Здесь не Сольвейг. Здесь не задают вопросов картографам из хороших семей. Вас бы просто устранили как свидетеля.

— Свидетеля чего? — Рен тоже перешла на шепот, но её голос не дрогнул. Она чувствовала лихорадочный жар, исходящий от него в этой тесноте. — Того, что в Элварии держат лесных эльфов в кандалах? Того, что ваш город прячет здесь целую армию, пока в центре поют песни?

Она сделала паузу, глядя ему прямо в глаза, и добавила еще тише:

— Или свидетеля того, что я подошла слишком близко к правде, за которую мой отец заплатил жизнью?

Эйлон резко вскинул руку, и на мгновение Рен показалось, что он схватит её, но он лишь с силой уперся ладонью в деревянную стойку стеллажа над её плечом. Дерево жалобно скрипнуло. Кольцо на его пальце тускло блеснуло в полоске света.

— Вы ничего не знаете о том, что здесь происходит, — выдохнул он, и в этом шепоте проступило изматывающее нетерпение. — Вы видите кандалы, но не понимаете, чьи руки они на самом деле защищают. Вы лезете в механизм, который не должен вас касаться.

— Я лезу в него потому, что мой отец потратил жизнь на эти карты! — Рен подалась к нему, почти касаясь грудью его колета. — Вы обещали мне ответы к вечеру, Эйлон. Вы обещали те три листа. Но вместо того, чтобы принести их, вы отслеживаете меня в лесу и читаете нотации. Где они? Или ваша безупречная выдержка заканчивается там, где начинаются тайны вашего Совета?

Наступила тишина. Эйлон не отстранился, но Рен почувствовала, как он внутренне дрогнул. Лицо его превратилось в неподвижную маску. В этой опасной близости она заметила, как потемнел его взгляд: колючая ярость в нем вдруг сменилась сухим, почти болезненным признанием.

— Листов нет, Рен, — произнес он. Её имя сорвалось с его губ как невольный выдох. — Я проверил лично. Карты исчезли.

Рен оцепенела. Весь её боевой запал испарился, оставив лишь пустоту в груди.

— Как это — исчезли? — переспросила она, и её голос впервые сорвался. — Это же архив Совета. Там ничего не пропадает бесследно.

— Именно, — отрезал он.

Очередной патруль прошел мимо, обрывки их слов просочились сквозь щели в двери. Эйлон напрягся, прислушиваясь к звукам патруля. Воздух в камерке стал невыносимо густым. Холодная догадка, зудевшая в голове Рен весь вечер, наконец оформилась в вопрос:

— Вы поэтому не сдали меня страже? — Она всмотрелась в его лицо, пытаясь отыскать в нем хоть тень того холодного куратора, который встретил её по прибытию — Потому что вам тоже нужно понять, что искал мой отец? Вы в тупике, Эйлон, и вам нужен кто-то, кто сможет прочесть эти карты. Кто-то, кто увидит в них больше, чем просто линии.

Он ничего не ответил, но его близость стала почти физически ощутимой. Кончики его волос коснулись её щеки. Рен видела, как он смотрел на её губы — туда, где еще мгновение назад была его горячая ладонь. Видела, как дернулся его кадык. Жесткая самоуверенность в его глазах окончательно уступила место мрачной решимости. Он выдохнул, словно перешагнул через невидимую черту, и резко развернулся к выходу.

Приоткрыв дверь, он убедился, что путь свободен, а затем его рука нашла её ладонь — пальцы сжали запястье, требуя тишины и покорности.

— Если карты спрятали, значит, кто-то боится того, что вы можете в них увидеть, — выдохнул он, оборачиваясь к ней лишь на мгновение. — Я покажу вам то, ради чего ваш отец рискнул всем.

Он потянул её за собой в ночь.

* * *

Они двигались быстро. Эйлон избегал людных путей, ведя её по техническим карнизам и узким винтовым лестницам, вырубленным в самой плоти исполинских стволов. Здесь не было мягкого сияния архивных кристаллов — лишь редкие лунные полосы пробивались сквозь естественные трещины в коре, расчерчивая мрак.

Рен едва поспевала. Запястье всё еще горело там, где его пальцы сжимали кожу, хотя теперь он вел её осторожнее, лишь направляя в темноте. Каждый раз, когда подошва Рен соскальзывала на влажной ступени, он реагировал мгновенно — поддерживал, не давая упасть. В этой молчаливой страховке ощущалось больше участия, чем во всех его подчеркнуто вежливых фразах за последние два дня.

Чем выше они забирались, тем сильнее менялся воздух. Тяжелая влажность низин осталась внизу, уступив место острому, кристальному холоду высоты. Миновав жилые ярусы, они оказались там, где Элвария затихала. Огни города превратились в россыпь золотистой пыли, запутавшейся в ветвях. На этой предельной высоте царил лишь гул ветра и протяжный стон древесины — так звучат вековые деревья, когда держат на своих плечах целую цивилизацию.

Наконец Эйлон остановился на выступе, буквально висевшем над пустотой. Холодный воздух здесь пах солью и бесконечным пространством.

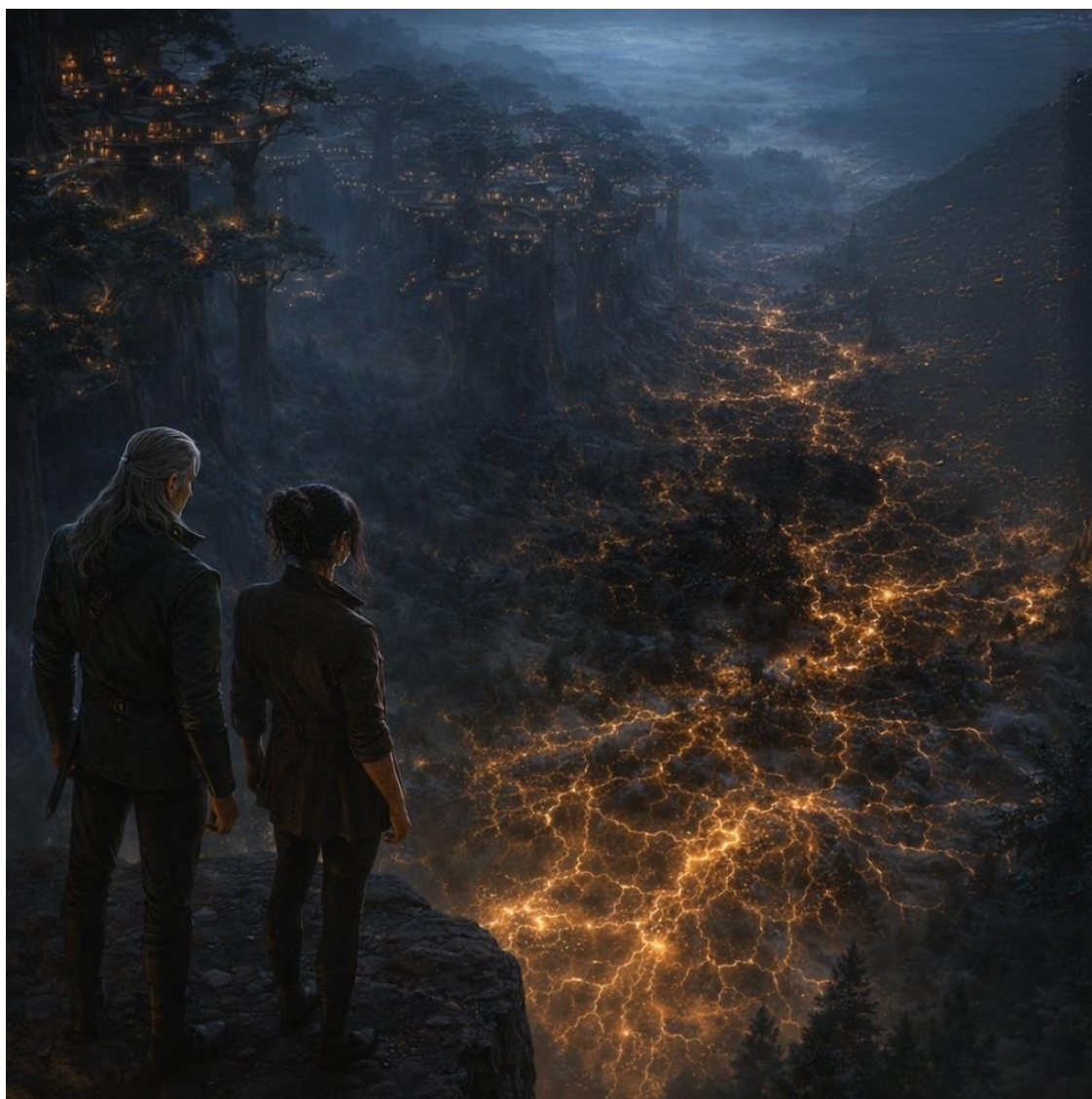
— Смотрите, — негромко произнес он.

Его пальцы соскользнули с её руки, мягко подталкивая Рен вперед, к самому краю платформы. Она затаила дыхание, ожидая увидеть бездонную ночную тьму, но вместо этого увидела сеть.

Далеко внизу и до самого горизонта лес пульсировал. Это не был яркий свет, скорее едва уловимое дыхание земли: мириады тонких мерцающих нитей оплетали стволы и уходили вглубь почвы, связывая деревья в единый организм. Это была Корона в действии: живая геометрия мага Элариона, вплетенная в плоть леса триста лет назад.

Но в Северном секторе порядок рушился.

Там, где корневые линии должны были сплетаться в четкие узлы, царил хаос. Свечение выглядело тусклым и рваным; магические жилы изгибались под неестественными углами, словно пытаясь от чего-то отшатнуться. В некоторых местах пульсация и вовсе гасла, оставляя слепые пятна в защите города.

— Барьер деформируется, — выдохнула Рен. Как картограф, она мгновенно наложила в уме идеальную сетку на этот беспорядок. — Деревья выросли и сместились, Эйлон. Сеть больше не совпадает с рельефом. Она натянута до предела, как старая ткань на слишком крупном каркасе.

— Она не просто натянута, — голос Эйлона зазвучал глухо. — Она рвется. Лесные эльфы атакуют именно здесь, в брешу. Стражи видят, как твари Пустошей просачиваются сквозь истончившийся свет, но Совет продолжает твердить, что барьер вечен.

Он обернулся, и отблеск умирающей сети внизу сделал его взгляд почти прозрачным.

— Ваш отец понял это восемнадцать лет назад. Он увидел, что живой барьер «перерос» схему своего создателя, и пришел к Совету с доказательствами. В тот же день его объявили безумцем и выдворили.

Рен смотрела на пульсирующую тьму, где магические жилы корней бились в агонии.

— Теперь вы понимаете, почему листья исчезли? — спросил он. — Тот, кто забрал их, не хочет, чтобы пазл сложился. Потому что ваши знания в сравнении со старыми картами архива...

— Это смертный приговор для нынешнего Совета, — закончила за него Рен.

Она обхватила себя руками, пытаясь унять дрожь. Взгляд снова вернулся к черным провалам внизу.

— Но почему эльфы решились напасть? — Рен заговорила тише, и её голос почти терялся в порывах ветра. — Столько лет всё было спокойно. Почему сейчас?

Эйлон долго молчал. Когда он заговорил, голос его был сухим, как старый пергамент:

— Официальная позиция Совета проста: лесные эльфы нашли способ подтачивать корни снаружи. Якобы их магия заставляет сеть гнить, чтобы открыть путь к захвату города. Глава Совета, Аэрвин, уже готовит приказ о мобилизации. Мы собираем войска, чтобы выйти за границу и... вытеснить их окончательно. Зачистить лес на милю вперед.

Он произнес это как заученный отчет, но Рен видела, что его пальцы до белизны сжали край перил.

— Вытеснить? — Рен горько усмехнулась, вспомнив лица в камерке. — Те пленники внизу... они не выглядели как завоеватели, Эйлон. В женщине, которая смотрела на меня, была только тихая пустота. Если бы они могли уничтожать барьеры магией, они бы не сидели в кандалах на земляном полу.

Она повернулась к нему, заглядывая под маску ледяного спокойствия.

— Вы ведь и сами теперь в это не верите.

Эйлон медленно перевел на неё взгляд.

— До вашего приезда... я верил, что Совет прав, — произнес он почти неразличимо. — Верил, что мы — последний оплот порядка, а они — агрессоры. Всё было просто. Но сегодня, когда я увидел пустую полку в архиве вместо чертежей вашего отца...

Он замолчал, и Рен поняла: его мир, выстроенный на безупречной верности, только что дал такую же трещину, как и барьер под их ногами.

— Пора возвращаться, — отрезал он, резко выпрямляясь. Маска куратора вернулась на место, но теперь она сидела на нем криво. — Патрули на верхних ярусах не так терпимы к ночным прогулкам.

Он снова взял её за запястье, но теперь вел назад так, словно сам искал опору в этом движении. Они спускались в молчании сквозь хитросплетения мостов, пока огни города снова не обступили их.

Когда они достигли дверей её покоев, Эйлон остановился. Тусклый свет фонаря подчеркнул глубокие тени у него под глазами.

— Те листы были ключом, — негромко произнесла Рен. — Но раз их нет, единственный способ доказать ошибку — найти оригиналы Элариона. Те, что хранятся в вашем закрытом фонде. Мой отец был один, Эйлон. Ему некому было подтвердить расчеты, а Совету было слишком удобно его не слышать.

— Теперь всё иначе, — Эйлон понизил голос, сокращая дистанцию. — Двенадцать глав родов могут игнорировать слова изгнанника, но они не смогут отмахнуться от официального доклада на общем собрании. Если вы предоставите мне расчеты, Рен, я заставлю их слушать.

Он всмотрелся в её лицо, и на мгновение его челюсти сжались.

— К архивам создателя нет доступа даже у меня. Но если город действительно готовят к войне ради сохранения чьего-то покоя... я найду способ их достать.

Рен молча кивнула, задержав на нем взгляд. В этом полумраке он больше не казался монументальным или опасным — просто измотанным человеком, который только что перешел черту вместе с ней.

— Хорошо. Тогда достаньте их, — она положила руку на дверную ручку. — А я разберусь с данными. Как только карты будут у меня, я всё докажу.

Эйлон едва заметно усмехнулся — одними уголками губ, и в этом жесте было больше доверия, чем во всех его вежливых фразах.

— Идите к себе, Рен. И... не стоит больше бродить по окраинам в одиночку. Сегодня нам просто повезло. Выспитесь.

Она дождалась, пока он скроется за поворотом, и зашла внутрь. Только когда щелкнул замок, Рен прислонилась спиной к двери, слушая, как в тишине коридора затихают его удаляющиеся, тяжелые шаги.

[ЧИТАТЬ ЗДЕСЬ](#)

Глава

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.